№ 20-22 (22-24)
Декабрь 2007 г.

Глуская ПАНОРАМА

Общественно-политическая газета

ТРАГЕДИЯ ЕВРЕЕВ МЕСТЕЧКА ГЛУСК

До войны в местечке Глуск Могилевской (бывшей Полесской) области проживали более 3 тысяч евреев, что составляло около 70% его населения. Многие из местных жителей разговаривали на языке идиш.

Евреи Глуска, как и их земляки других национальностей, терпели лишения, но не теряли надежд на лучшую жизнь. Надежды не оправдались. Грянула война...

Немцы оккупировали Глуск 27 июня 1941 г. и сразу установили для евреев жесткий порядок. Всем, без исключения, носить желтые звезды. Начались издевательства и расстрелы.

2 декабря 1941 г. приехавшая накануне зондеркоманда собрала при помощи местных полицаев всех евреев на площади в центре Глуска, погрузила в машины и расстреляла в карьере на Мыслотяской горе рядом с местечком.

Спастись удалось только тем, кому помог счастливый случай (не более 2%). Так в одночасье трагически закончилась многовековая история евреев Глуска. Их как будто здесь и вовсе не было, будто и не жили они здесь...

Примерно по такому же Глускому сценарию в течение 1941 – 1942 гг. местечко за местечком, город за городом, в Белоруссии были уничтожены более 200 гетто, за исключением 100-тысячного Минского гетто, последние узники которого были расстреляны в октябре 1943 г. Таким образом в Белоруссии был решен «еврейский вопрос». Всего погибли более 800 тыс. евреев...

Юлий Айзенштат, узник Глусского гетто

«Еврейский мир» 5.06.2005
www.evreimir.com

НЕ ЗАБУДЕМ ТРАГЕДИЮ ГЛУСКА!

Мемориальный парк в Бруклине. Ходишь его аллеями, смотришь на камни-памятники, и словно читаешь траурную книгу. Украинские еврейские местечки: Тальное, Могилев-Подольский, Староконстантинов, Каменец-Подольский... Их названия выбиты на камнях-памятниках, которые установили выходцы из этих мест, живущие в США.

В огне Холокоста погибли и более 800 тысяч евреев Белоруссии. И наш долг, решил бывший житель местечка Глуск, бывший юный партизан Юлий Айзенштат, сохранить память и об этих жертвах. У него нашлись единомышленники.

Согласно архивным данным, в Глуске погибло 1014 евреев. Но эти цифры явно занижены. На самом деле жертвами фашистов стали более 2 тыс. евреев. К открытию памятника им глусковчане подготовили стенды об истории местечка за более чем 400 лет его существования, о его жителях, многие из которых сражались с фашистами в годы войны. Нацисты захватили местечко через пять дней после начала войны, и не все мужчины успели уйти на фронт.

Более 60 человек пополнили ряды народных мстителей. Среди них были Юлий Айзенштат и его отец.

На траурный митинг, посвященный открытию камня-памятника, в мемориальный парк пришли бывшие жители Глуска вместе с детьми, внуками, друзьями, соседями. Приехали и те, кто живет в Массачусетсе, Коннектикуте.

В память погибших зажигаются свечи. Кантор Давид Степановский читает кадиш.

Первым выступил Юлий Айзенштат. Он говорил о трагедии евреев Глуска, о единстве поколений. Привел пример. Его дедушка и бабушка получили в качестве свадебного подарка подсвечник, которому тогда уже было больше сотни лет. После освобождения Глуска в 1944 г. подсвечник нашли в сарае разграбленного дома. И с тех пор в нем горят свечи в субботние и праздничные дни. Он стоял на столе во время митинга как символ преемственности. О преемственности поколений свидетельствовало и то, что на митинге выступила дочь Юлия – Елена, приехавшая из Коннектикута, и 10-летняя внучка Линда.

Об участии глусковчан в боях с фашистскими захватчиками говорили бывший фронтовик Семен Колтон (Бостона) и бывший партизан Михаил Эпштейн. Вице-президент Ассоциации бывших узников гетто и концлагерей Михаил Сирота и член правления Ассоциации Аркадий Александровский призвали всех присутствующих и в первую очередь молодежь принимать активное участие в трудовой и общественной жизни Америки и всегда помнить о маленьком Глуске – колыбели их рода.

Бывший фронтовик Исаак Зильбер родом из соседнего с Глуском местечка Ельск. «Сделаем и мы все необходимое, чтобы увековечить память наших земляков» - сказал он.

Участники митинга возложили к памятнику красные гвоздики. Теперь ежегодно в дни поминовения умерших, в годовщину трагедии родного местечка бывшие жители Глуска, их дети, внуки, правнуки будут приходить сюда, чтобы помолиться, возложить цветы и, по еврейской традиции, принести камешки...

Манус Ядушливый
Новое русское слово 6.05.2005
www.nrs.com/news/events/usa/210505_142900_24188.html

СВИДЕТЕЛИ НАЦИСТСКОГО ГЕНОЦИДА ЕВРЕЕВ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССИИ В 1941-1944 ГГ.

Глуск

Янкель Гуревич (1925 г. р.): отец Янкул работал в колхозе кузнецом, мать Эстер - на разных работах, у меня были сестры Рахель и Ида, братья Авраам и Касриел. Рахель работала телефонисткой. Помню две синагоги, которые закрыли в тридцатые годы, до 1937 г. еврейские дети ходили в школу на идиш, которую потом упразднили. Когда началась война, многие растерялись, были в панике, не знали что делать. Глуск заняли на пятый день. Немцы приказали всем евреям независимо от пола и возраста нашить спереди и сзади желтые латы. Тем, кто не хотел, угрожали расстрелом. Скоро организовали лагерь для принудительных работ, куда евреев обязали являться ежедневно. Вечером распускали по домам. Предупредили, что за уклонение - расстрел. Отец был кузнецом и нашей семье, поэтому разрешили поселиться на окраине Глуска. Нас не выдавали, желтых лат и звезд мы не носили и в лагерь на работу не ходили. Большинство белорусов сочувствовало. Однажды я пришел проведать двоюродную сестру в Глуске, которую не гоняли на работу, потому что у неё был маленький ребенок. Меня остановил немец и говорит: «Юда!» Я отрицаю, тогда он подозвал проходившего соседа и повторил вопрос. Сосед ответил, что не «юда». Меня отпустили.

В первых числах октября 1941 г. евреев собрали в лагерь, и мы услышали стрельбу. Один крестьянин подбежал к отцу и сказал, чтобы мы скорее убегали, что приехали немцы и расстреливают евреев. Мы бросились бежать и разными лесными дорогами добрались до деревни Рудобелка, где жил брат отца. Там еще немцев не было и оставалось несколько еврейских семей. Через несколько дней мы встретили в лесу трех вооруженных автоматами людей, один из которых был еврей Чирлин. Мы рассказали, что видели и попросили взять с собой. Это была небольшая группа из 13 человек, я стал четырнадцатым. Приняли хорошо, командиром отряда был Павловский. В безопасности мы себя не чувствовали, искали надежных людей, налаживали связь, устраивали засады. Постепенно евреев в лесах становилось больше, некоторые выдвинулись в командиры. Я стал командиром пулеметного отделения отряда им. Урицкого (командир Хавкин), переводчиком бригады был Вишневский. В июле 1944 г. после освобождения Белоруссии нашу бригаду расформировали, молодые партизаны влились в Советскую Армию, и пошли на Запад. В их числе был и я. Меня наградили орденом Отечественной войны, медалями «За отвагу», «Партизану Великой Отечественной войны», «За победу над Германией» и др.

Наша семья сильно пострадала от Катастрофы. Иду и Касриела убили немцы в 1942 г., поймав в лесу. Мать посадили в тюрьму Глуска, где она повесилась. Расстреляли двоюродную сестру Неханку Гершман с 6-месячным ребенком, в Рудобелке - тётю и еще одну двоюродную сестру. Дядя

Памятник на Мыслотинской горе под Глуском. Надпись на памятнике: «Вечная память гражданам (еврейской национальности) Советским военнопленным и партизанам, зверски замученным немецко-фашистскими извергами 1941-1944 г.г. От граждан г.п. Глусска». Фото С. Кондратьева.

Касриель, подрывник отряда Павловского, погиб в бою в 1942 г. Сестру Рахель, которая была вместе со мной в отряде, в 1943 г. раненую на самолете отправили в госпиталь в Москву, брат Авраам погиб при взятии Берлина в мае 1945 г.

Вот и все, что осталось от нашей большой семьи. В 1949 г. я женился, у меня родилось три сына, они выучились, получили высшее образование. В 1990 г. мы приехали в Израиль и начали все сначала

(Архив автора. Письмо Янкеля Гуревича от 10 июля 1994 г.).

Примечание автора: Глуск - городской поселок, центр района, расположен на р. Птичь в 170 км от Могилева, узел автодорог Бобруйск, Любань, Старые Дороги; впервые упоминается в середине XV в., с XVШ в. в составе Речицкого уезда, во 2-й половине XIX в. местечко и центр волости Бобруйского уезда Минской губернии; в 1847 г. здесь проживало 3148 евреев, в 1897 г. - 3801 (из 5328 всех жителей), в 1926 г. - 2581 еврей, в 1939 г. - 1935 евреев или 37,76% всех жителей; с 1924 г. центр Глусского района, с 1938 г. - городской поселок; оккупирован немецкими войсками с 28 июня 1941 г. по 27 июня 1944 г., которые расстреляли свыше 3 тыс. евреев. После войны в Глуске открыли мемориальный комплекс воинской славы, однако нет упоминания о жертвах немецкого геноцида в отношении евреев.

Из книги Леонида Смиловицкого «Катастрофа евреев в Белоруссии, 1941-1944 гг.» (Тель-Авив, 2000), с. 197-233.

http://lidajews.narod.ru

ПОДВИГ ПЕТРА БЫЛИНСКОГО

Во время войны мой отец Былинский Петр Иосифович, 1878 г. рождения жил в г.п. Глуске по ул. Урицкого, д. 3. В 1941 году немецкая оккупационная администрация разрешила Глусской православной общине восстановить церковь. Верующие старостой церкви избрали моего отца - Былинского Петра Иосифовича и поручили ему вести работы по восстановлению храма. По согласованию со священником и по разрешению немецкого коменданта города для восстановительных работ была привлечена бригада евреев, среди которых были плотники и столяры Винер Симон Абрамович, Марголин Вельф Вельевич, Марголин Иосиф Вельевич, Гуревич. Работали они в доме священника Подольского, где была размещена мастерская. Когда осенью 1941 года начались массовые аресты евреев и размещение их в специально отведенных местах – гетто, такое было и в Глуске, мой отец всю бригаду строителей, а также жену и дочь Марголина Иосифа, жену Гуревича Израиля и еще четверых евреев, фамилии и имена которых я сейчас уже не помню - всего одиннадцать человек спрятал в подвале дома священника Подольского. Сверху на люк подвала набросали опилки, стружку, поставили верстак. Все они были коренными жителями Глуска, наш отец их хорошо знал, со многими был в приятельских отношениях. Больше недели скрывались они в подвале, только изредка по ночам выходя на свежий воздух. Еду и воду мы передавали через окно.

О том, что отец прятал в подвале евреев, кроме нас, знали наша мать, Былинская Пелагея Константиновна, священник Подольский, позже погибший от рук немецко-фашистских захватчиков, а также военнопленный Булгаков Иван Петрович, работавший художником в мастерской.

Все это происходило в конце ноября 1941 года. Когда немцы практически завершили свои злодеяния против евреев в Глуске, а река Птичь замерзла, я и мой брат Андрей вывели группу через речку и урочище Дубень на дорогу до деревни Устерхи, где находились партизаны.

Отец и вся семья рисковали своей жизнью постоянно во время оккупации. В 1943 году кто-то написал донос в гестапо о том, что он прятал евреев. Вся семья была арестована, отец приговорен к расстрелу. И только благодаря тому, что верующие Глуска обратились с просьбой к коменданту города, а гестапо не обнаружило никаких доказательств, да и просто по какому-то чуду семью освободили, а отца отправили в Бобруйск в лагерь.

Несколько человек, трое или четверо, в том числе Марголин Вельер и Гуревич Израиль, погибли в партизанах. После освобождения от фашистов спасенные некоторое время жили в Глуске, затем разъехались.

С родственниками спасенных отец поддерживал дружеские отношения, а со спасенным Винером Симоном отношения стали почти родственными. Он всегда присутствовал на семейных торжествах, называл отца Петра Иосифовича «батькам», до самой смерти помогал, как столяр, восстанавливать дом моему брату и мне. Умер он в конце пятидесятых годов.

Мой отец Петр Иосифович умер в 1964 году, похоронен на православном кладбище в г.п. Глуск.

Владимир Былинский

МЫСЛОТИНСКАЯ ГОРА

Есть в окрестностях Глуска самая высокая точка. Она называется Мыслотинская, а по-местному - Мыслотинская гора, по названию близлежащей деревни Мыслотино. Известна она массовым расстрелом евреев в годы Великой Отечественной войны.

Уничтожение еврейского населения, как и вообще населения Белоруссии и других оккупированных территорий было политикой фашистского руководства и успешно претворялось в жизнь. Уже в 1941 году появились еврейские гетто. В Глуске гетто не было. Городок наш небольшой и все жители находились на виду. Но комендатура и немецкие административные органы были созданы уже в первые недели войны.

Масштабные акции по массовому уничтожению евреев в декабре 1941 года уже прошли в Бобруйске. Население Глуска об

этом знало. Поэтому была принята попытка подкупа местного коменданта. Евреи собрали целое ведро золотых и серебряных предметов и передали его в комендатуру. Увы, это только отсрочило трагедию, но не предотвратило ее.

В декабре 1941 года прибыла специальная бригада из Бобруйска. В течение трех дней еврейское население целыми семьями сгоняли в здание бывшей средней школы. Потом женщин и детей на машинах, а мужчин пешком погнали через Глуск на Мыслотинскую гору. Путь лежал через болотистую местность. Людей гнали как скот прямо через болото. Расстреливали в упор на краю глубокой ямы. После завершения акции яму засыпали землей. По утверждению очевидцев, трое суток слышны были стоны, а земля «дышала». Должно быть, несмотря на пресловутую немецкую аккуратность, «работа» была выполнена некачественно.

В книге «Память. Глусский район» помещены списки еврейского населения, расстрелянного немецко-фашистскими захватчиками. Здесь числится 1005 фамилий. Хотя, по утверждению очевидцев жертв было значительно больше.

Об очевидцах. Как таковых в конкретном понимании этого слова не было, возможно, вообще. Как правило, население не присутствовало на подобных акциях, простое любопытство могло стоить жизни. Люди без особой надобности старались вообще не появляться на улицах. Поэтому рассказы очевидцев - это пересказ слухов, может, в деталях и не совсем достоверных. Но трагедия эта в самом деле произошла в Глуске. Об этом свидетельствует обелиск, установленный на Мыслотинской горе в память о безвинно погибших.

Иван Булгаков

В ТЕ СТРАШНЫЕ ДНИ. ГЛУСК, ДЕКАБРЬ 1941 Г.

- Представьтесь, пожалуйста.

- Зовут меня Мендель Шлёмович, фамилия - Рубинсон...

Нет, это не протокол милицейского допроса. Не знаю, каким образом и по чьей инициативе появился интервьюер и оператор-любитель в небольшой квартире в центре Петербурга. На видеокассете, снятой его непрофессиональной рукой, мой отец рассказывает - иногда сбивчиво и косноязычно, иногда повторяясь, иногда с трудом сдерживая слёзы - историю тех страшных дней.

- Где вы жили до войны?

- В Глуске... В местечке, которое называется Глуск.

Глуск находится в 130 км южнее Могилева, на реке Птичь, недалеко от Бобруйска. Глуск - районный центр, входит в Могилевскую область. Первые упоминания о Глуске относятся ко второй половине 15-го века, когда на землях, принадлежавших польскому князю Гальшанскому, был основан поселок Глуск-Дубровицкий (Домбровицки). В последующие годы правили здесь графы Хадкевичи, князья Чарторыские, Палубинские, графы Радзивиллы. В 1793 году, после второго раздела Польши, Глуск оказывается в Российской империи. С 1861 г. - центр волости, а с 1864 г. - город, в котором проживают около трёх тысяч жителей.

В канун Великой Отечественной войны, в 1939 г. в Глуске насчитывается 5125 жителей. В их числе и семья моего отца - его родители Басева (Бася) и Шлёма, их дети Мендель, Дина, Берл-Иосиф и Роза.

- Каким был Глуск до войны? Почти 80 процентов населения составляли евреи. Были среди них кузнецы, портные, водоносы, дровосеки, плотники... Люди были рабочие. Местечко было очень весёлое, никакого антисемитизма. Я спрашивал у пожилых, и они утверждали, что ничего такого не чувствовали.

- Но там и жили почти одни евреи...

- Нет, были и белорусы, и как их называли, мещане.

В один прекрасный день - война. Евреи, кто успел, уехали. Были организованы специальные машины для эвакуации. Но было много таких, кто остались. Просто из-за того, что им не была ясна ситуация, не знали, как сложится их судьба. Ну, и многие балагулы, извозчики то есть, уехали с семьями на своих лошадях.

Мы же остались там жить. Правда, мы тоже пытались. Мы отъехали примерно на 20 километров от Глуска, но нам пришлось вернуться. А когда мы попытались снова эвакуироваться, то это нам уже не удалось, так как стало опасно, и, кроме немецких десантов, были и крестьяне, которые по пути и грабили, ну, и всё остальное...

Ну вот, пришли немцы. Буквально через неделю после начала войны, так я помню (*немцы вошли в Глуск 27 июня 1941 г. - А.Р.*). Первое, что они сделали - они собрали всех евреев и велели пришить к одежде желтые звезды. После этого и началось...

Первой жертвой среди евреев стал рабочий парка, его звали Шлёма, фамилию я не помню. Я его прекрасно знал, потому что мы, мальчишки, часто бегали в парк. А его работа была убирать парк, готовить его к зиме, к весне, следить за порядком. И когда немцы начали привязывать своих лошадей к ограде парка, он стал возражать. Одну лошадь он отвязал, потом другую, вот немцы его и застрелили. Это была первая жертва среди евреев. Затем начали искать активистов. Была расстреляна семья пионервожатой. Потом был расстрелян депутат Шумахер, который жил напротив нас, потом - второй депутат, фамилию его я не помню. Затем - Голуб, и ещё один молодой человек, который вышел из окружения и его, по всей видимости, кто-то выдал.

- А кто был Голуб?

- Голуб? - Еврей... Я недавно беседовал с его сыном, так обстоятельства смерти Голуба и ему неизвестны. Тогда погибнуть было просто, например, брали евреев на работу и при малейшем неповиновении отводили в сторону и расстреливали.

Где-то в сентябре, в октябре готовились переселить евреев в гетто. Его собирались устроить в разрушенной крепости, которую ещё поляки построили когда-то. Уже

отец ходил смотреть, что там и как, и где можно устроить жильё. Немцы предупредили, что с собой в гетто разрешается взять только самое необходимое. Готовились несколько дней, а потом приехал из Бобруйска немецкий офицер и сказал, что гетто не нужно. Всё это время немцы требовали «контрибуцию», то им сапоги хромовые надо пошить, а то и девочек приглашали убирать им кабинеты да комнаты. В магазин евреям нельзя было ходить, а продавалось там много вещей из оставленных эвакуировавшимися евреями домов - швейные машинки, одежда, обувь... Продовольственные карточки немцы в начале оккупации давали всем жителям, а потом евреям перестали давать. Кормились люди со своих огородов, у кого они были. У нас не было, потому что, когда немцы пришли, они заехали на наш двор, и их машины перепахали весь наш огород, и ещё и кухню снесли.

На одежде спереди и сзади были нашиты «магендовиды». Отец однажды шёл по улице в одежде без «магендовидов», так его подозвал немецкий солдат. Отец не подчинился и побежал. Немец сделал по нему несколько выстрелов, но не попал, а гнаться за отцом он не стал.

Это был тяжёлый период, но самое страшное произошло 12, 13 и 14 декабря 1941 года. Собственно, 12 декабря. (*По другим источникам, это происходило в начале декабря - А.Р.*)

Мы все жили в своих домах. Мы не готовились к самому худшему, а впрочем, может, родители и готовились, не знаю. А может, надеялись, что культурная немецкая нация на такое не пойдёт. Но позже нам уже стало известно, что в Бобруйске немцы уничтожили еврейское гетто. Одному мальчишке удалось убежать, он внешне был не похож на еврея. Он пришёл в нам домой и рассказал, так что мы узнали самыми первыми. После освобождения мы пытались разыскать этого парня, он ведь остался жить в Глуске в белорусской семье, но его нигде не оказалось, и куда он делся - неизвестно.

В 6 часов утра мы узнали, что немцы приказали всем евреям идти на площадь, с документами и ценными вещами. Мы поняли, что нас ожидает там, что это - конец жизни. В то утро двое еврейских старост, назначенных немцами, по их приказу обходили все еврейские дома. А к нам прибежал тот самый парень и сообщил об этом. И ни мы, ни некоторые другие семьи не пошли на площадь. Мы хотели выйти из города, но нас обстреляли, потому что город был уже оцеплен местными полицейскими. А потом я узнал, что, оказывается, в 2 часа ночи подняли глускую пожарную команду и послали её рыть могилы для евреев.

Помню, что поднялся страшный крик, даже домашние животные, даже коровы все начали мычать. У нас была корова, так она мычала, не переставая. Они будто предчувствовали, что наступает крах и для евреев, и для животных. Ужасный был шум, крик, плач...

Я побежал, а выбежали мы почти голые, так отец вернулся, чтобы взять одежду, было холодно, было много снега.

- А почему вы были голые?

- Потому что хотели жить...

Отец горько улыбается. Понятно, что в то утро дорог был каждый миг, и нельзя было тратить время на одевание.

- Ну, на ком-то было только бельё, на ком-то только ботинки, а теплые вещи, валенки, сапоги остались в доме. Поэтому отец решил вернуться, взять что-нибудь одеть.

- Но вы же с вечера знали, что будете уходить...

- Нет, мы ничего не знали, мы узнали только в 6 часов утра, когда нас разбудили, и мы только тогда поняли, что нам надо уходить. А на площадь пришли, я не знаю точно, 200, 300 или 400 человек. Их всех повели на расстрел, с собаками, с автоматчиками. Повели их в сторону Мыслотяской горы, так это место у нас называется. Это была одна группа. А вторую повели на расстрел почти в самый центр города - на «вал», в крепость.

Как поймали мою маму, брата и сестру, как их расстреляли, я не знаю. С матерью я попрощался после первых выстрелов и побежал. Больше я её не видел.

Брат и сестра - это младшие в семье 6-летний Берл и Роза, которой исполнилось три года. Старшая из сестёр - Дина - незадолго до начала войны уехала погостить к тёте и дяде в Ленинград. Там на долю 9-тилетней девочки выпали другие горести войны - блокада, бомбежки, голод, эвакуация...

А моему отцу в 1941 году исполнилось 12 лет.

- Я убежал на другой конец улицы и спрятался в уборной. Почему я туда побежал, я и сам не знаю. Со мною были моя двоюродная сестра и её мать. Они жили у нас, потому что боялись жить в своём доме одни. Нас заметили, и мы поняли, что нас заметили, и мы перебежали в свинарник рядом, он принадлежал нашим соседям, жившим неподалёку в Советском переулке (а мы жили на Советской улице, через четыре дома) - семье Табак. В свинарнике мы пролежали целый день, и только в 12 часов ночи мы вышли из него. И мы пришли в эту белорусскую семью, и они нас приняли. Этих людей я хотел бы отметить, ведь они спасли нас, а потом спасли ещё одну еврейскую семью. Это был Табак Степан Иванович и его семья, они спасли нас. А его сестра, Табак Мария Ивановна, спасла семью Кацманов, и благодаря ей остались в живых 4 человека. Кацманы были одна-единственная семья в Глуске, которой удалось полностью уцелеть. Даже их отец, хотя и был инвалид, тоже сумел скрыться от немцев, а кто именно спрятал его, я не помню.

Отец мой тоже спасся. Он спрятался рядом с домом, на сеновале и пролежал в нём двое суток. Его там заметили, причём заметила сестра помощника начальника полиции Глуска. Им был Гущевский Михаил. И вот, она пошла посоветоваться к брату, как им вывезти Шлёму. Они были очень хорошими друзьями, и несмотря на то, что он служил в полиции, он помог отцу. Ему просто сказали - здесь будет стоять часовой, а ты беги туда, в другую сторону. Вот такой случай.

Правда, потом тот же Гущевский изнасиловал двух соседских девчонок, он с ними жил определённое время, и он их потом и застрелил. Парадоксальная вещь - вот же он спасает, и вот он же и убивает...

Погибло всего в Глуске около 3-х тысяч евреев - дети, старики, старухи, молодые парни.

Итак, я убежал из Глуска и стал пробираться в деревню на другом берегу реки Птичь. Наш дом был недалеко от реки. Было очень трудно

перейти её, потому что у реки крутые берега, пришлось несколько раз карабкаться, пока я перебрался на тот берег и вышел к деревне Заречье. По дороге я увидел мертвое тело. Это был убитый парень из Глуска, еврей, лет 15-17, я его знал. А шли мы втроём, всё время втроём - я, моя двоюродная сестра Эмма и её мать. В Заречьи нас приняли, посадили на печку, обогрели, накормили. Впервые в жизни я попробовал сало с хлебом, у нас дома такая еда не допускалась. Те люди, что приняли нас, тоже были друзья отца, мы их знали и раньше. Там был крахмально-паточный завод, отец работал на этом заводе мастером, и он всех прекрасно знал. Эти люди посоветовали нам идти в деревню Березовку. Дорогу мы знали, и вот мы ночью пришли в деревню. Попросились в один дом, нас не пустили. Постучали во второй, и туда нас впустили.

Тогда уже ходили слухи о том, что в Октябрьском районе (Гомельской области - А.Р) есть партизаны. И вот, наш путь лежал туда, в партизанскую зону. Она знаменита тем, что в этом районе восстановилась почти советская власть, то есть немцы туда не могли войти, если только не вели наступательные операции своими танками и самолётами. Командовал там Герой Советского Союза Бумажков, он потом погиб, и его сменил Павловский Фёдор.

Бумажков Тихон Пименович и Павловский Фёдор Илларионович первыми из партизан Великой Отечественной войны были удостоены звания Героев Советского Союза. Уже в июле 1941 года они создали в оккупированной Белоруссии партизанский отряд, отличившийся в боевых действиях против захватчиков. Бумажков погиб в конце 1941 года, а Павловский возглавлял партизанское движение в Октябрьском районе до прихода Советской Армии в 1944 году. Ими была создана так называемая «Рудобельская республика», практически освобождённая от оккупантов территория на севере Гомельской области.

Нам удалось пробраться в эту партизанскую зону, в деревню Малы. Там нам приняли очень хорошо, по-человечески тепло. Там я в первый раз ел настоящую крестьянскую еду, галушки с молоком. Пробовали когда-нибудь картофельные галушки? Нет? Очень вкусно, это такая белорусская национальная еда.

Там мы остались жить, в этой деревне. Потом туда же пришёл отец, он пробирался к партизанам сам по себе, и мы встретились спустя неделю или десять дней. Отец добрался до этой деревни, и ему сказали, что твой сын, мол, тоже здесь, и он пришёл к нам в землянку, на хутор. Он, кстати, предполагал, что мы могли уйти в сторону партизанской зоны. В деревне мы часто встречались с партизанами, а потом отец ушёл в партизанский отряд, он был одним из организаторов подпольной газеты «Народный мститель». Она распространялась и в Глуске, и в Октябрьском районе.

За три года войны я видел сотни убитых, раненых, искалеченных, видел заживо сожжённых крестьян, евреев... В этом районе жило очень много евреев, которые работали в колхозах, занимались земледелием. Это были труженики, зарабатывавшие на жизнь тяжёлым трудом.

Потом - 44-ый год, освобождение. Потом работа, служба в армии, затем я уехал в Ленинград. Я думаю, что я - один из двух-трёх человек, свидетелей той трагедии, доживших до наших дней. А ведь жили в Глуске почти 4 тысячи евреев.

- А кто были те еврейские старосты, откуда они взялись?

-Их немцы назначили, когда вошли в Глуск. Я-то был мальчишкой, поэтому точно я не знаю, как и почему именно их. Через них немцы передавали все свои приказания евреям. И оба они остались в живых после того расстрела. Один из них уехал из Глуска в 44-ом или в 45-ом годах, потому что к нему начали было придираться. Второй жил после войны в Москве. Он потом ушёл к партизанам, а партизанское командование таким вещам не придавало значения. Но после войны это стало известно, и его арестовали. Я знаю по рассказам других людей, что ему помог бежать немецкий офицер. Это единственный такой случай, известный мне.

Всего спаслось от расстрелов человек 80-90, может, 100...

- А кто расстреливал, немцы или полицейские?

- Немцы. Приехал специальный отряд, человек 10-15 примерно. Сам я их не видел. А в Глуске немецкий гарнизон стоял, но немногочисленный. Человек 40, наверное. Была комендатура, и ещё сельскохозяйственная комендатура. А все остальные были полицейские из местных, предатели. Глуский гарнизон в расстрелах не участвовал. Отец рассказывал, что когда раскапывали могилы, то будто бы они видели, что трупы укладывали аккуратно, штабелями. Немцы, в общем, убивали.

Тех, кто не пришёл в первый день на площадь, искали повсюду. Полицейские ходили по домам, всё переворачивали, кого находили, больных, например, отводили в комендатуру. Их расстреляли в последующие два дня.

Существует в архивах полный список уничтоженных евреев. Мой отец после освобождения участвовал в составлении этого списка. (*Фрагмент из списка представлен здесь - http://www.angelfire.com/or/yizkor/glussk22.html; под номерами 2144-2146 записаны Рубинсон Бася, Иосиф и Роза.*)

Как убивали - толком никто не видел. Мои приятели из местных говорили, что перед расстрелом женщин раздевали, насиловали и убивали голыми. По их рассказам, земля, где хоронили убитых, ещё несколько дней после расстрела «дышала».

Это была специальная зондеркоманда, совершившая в декабре 1941 г. десятки смертоносных рейдов по еврейским местечкам Белоруссии. Подобные операции по ликвидации еврейского населения практиковали немцы ещё до появления лагерей смерти, до газовых камер и труб крематориев. В Белоруссии в 1941-42 годах таким образом было уничтожено около 800 тысяч евреев, проживавших в более чем 200 местечках, городах, деревнях.

- А после этих трёх дней не было больше расстрелов?

- Бывали только одиночные случаи, когда находили кого-то из укрывшихся. Вот, например, Гущевский, как я уже говорил, выдал двух девочек, которых он держал у себя в доме.

- А что с ним стал потом, с Гущевским?

- Расстреляли его как предателя Родины.

- А с еврейским имуществом что

произошло? С вашими вещами, с домами?

- Из вещей своих мы не нашли ничего. Некоторые дома разобрали на дрова, и наш дом тоже. А в других поселились местные жители…

- В Глуске как-то хранят память об этой трагедии?

- Есть памятник с мемориальной надписью. Его установили местные власти. Написано, что это в память погибших партизан и воинов Советской Армии.

Так всегда поступали в годы Советской власти, когда упоминать о Катастрофе еврейского народа во второй мировой войне не рекомендовалось. Заменяли слово «евреи» на обще-безнациональное выражение «советские люди», «советские граждане». Как будто стеснялись чего-то. Не знаю, изменилось ли что-либо в том же Глуске. Помнят ли, знают ли о тысячах погибших, вся вина которых была в том, что они - евреи, или вычеркнули начисто из памяти еврейское прошлое городка, как будто не евреи в течение веков составляли в нём большую часть населения.

Пусть эти воспоминания моего отца напомнят о безвинно убитых. Пусть будет благословенна их память…

Приложение: фотография, сделанная в 1944 году. Крайний слева - Мендель Рубинсон, ему на этом снимке - 15 лет.

Вот расшифровка этой надписи (с сохранением орфографии):

«Полесская обл. с.Рогаца

в день соединения с Красной армией 11-7-44 г.

прошли мы вместе путь от Бобруйска до Пинска с 1942-44

четыри друзья

четыри партизана»

Мендель Рубинсон, Александр Рубинсон

zhurnal.lib.ru/r/rubinson_a/glusk.shtml

...К ОТЕЧЕСКИМ ГРОБАМ

Горько осознавать, что только прожив не один десяток лет мы на-

чинаем понимать: каждый из нас есть частичка рода своего, память о котором жестко уничтожалась и царской, и советской системами. Ибо не сам человек был мерилом ценности, а классовая и национальная принадлежность. А ведь любой человек несет в себе правду целого мира. И мой род – малая веточка древа жизни моего народа.

И все, что было в мире, все, чем болело и радовалось дерево, отражалось в каждой его веточке, на каждом ее изгибе, на каждом листочке, на мельчайшей клеточке. А я – его частица…

В результате трех разделов Польши сотни тысяч евреев оказались в пределах Российской империи. Жили они, как и определено им было царским указом (см. “Собрание узаконений и распоряжений правительства” от 21 мая 1903 года №50), безвыездно. И кое-кто из них, чтобы выбиться в люди, принимал другую веру. Многие, скрывшие свое происхождение, составили славу России.

…В моем роду не было громких имен.

А дошли до меня сведения лишь о том, что в середине XIX века жили в местечке Глуск два брата Авраам и Арон. Как жили евреи местечек, можно узнать из трудов нашего великого летописца Шолом-Алейхема. Чего только стоит одно признание его героя-ребенка: “Мне хорошо – я сирота!”. Смех над своими бедами – последняя надежда выжить в том бесправном положении, в которое был поставлен целый народ.

И оборотился я лицом к истории рода моего, но уже не было многих в живых из тех, в чьей памяти сохранились хотя бы отголоски прошлого.

Узнал я лишь то, что Авраама прозвали Файер (огонь–идиш) – привез он в местечко первую керосиновую лампу, а Арона прозвали Американец – уехал он в Америку и затерялся след его. Какие беды обескровили большую семью Авраама, сейчас уже не узнать, но причин было много: войны, раздоры, погромы…

Мой дед Израиль, один из сыновей его, не только выжил, но своим трудом, смекалкой и терпением построил кузню и стал лучшим кузнецом в округе. Приезжали к нему мужики из дальних мест, и иные кузнецы роптали, что теряют своих клиентов. Но справедлив суд жизни: свободная конкуренция выявляет лучшего мастера. У честного труженика вызывает он уважение, а у бесталанного и лодыря – злобу. Молод еще был Израиль, но уважали его в округе. И приезжали к нему сваты из разных мест.

В один из дней собрался он на смотрины. Запряг коня своего, посадил сватов, и поехали они. Сваты ему всю дорогу невесту расхваливали: и красива она, и достаток в доме, и семья ладная. Подъехали они к мосту через речку – поселок тот на втором берегу стоял. А в речке девушка белье стирает, подоткнув юбку за пояс. И звонко капли с оголенных рук ее стекают. И какая-то сила сорвала Израиля с облучка. Бросил он вожжи на круп коня и к ней поспешил. Всего несколько слов сказали они друг другу. О чем? Никто не знает: унесли они эту тайну с собой. Вернулся Израиль к коляске и круто коня повернул. Поняли сваты по лицу его, что ни о чем спрашивать не надо: свет души очарованной из глаз его струился.

И сказала сватья: “Девушка эта Рахиль Каплан – сирота. Родителей в погроме убили. На руках ее двое младших: сестра Гися 12-ти лет и брат Арон 15-ти лет. А старший брат Мур в Америку уехал”.

“Другой мне не надо”, – ответил Израиль.

И сказал сват: “Так создал Бог людей: одно сердце поделил между мужчиной и женщиной. Когда найдут половинки друг друга – тогда и счастливы будут”.

Пришел через неделю Израиль к Рахиль, малый скарб ее на повозку сложил, поверх посадил брата и сестру ее – и повез к себе домой…

И вошел Израиль к Рахиль, и зачала… Так в любви родила она ему шестеро детей. Вот имена их: Зяма, Муля, Моисей, Барух, Илья, Хана. И расплодилась семья Израиля, возросла и наполнила собой землю, чтобы жить трудом рук своих и чтобы не иссяк род его.

По вечерам собирал всю свою большую семью Израиль на молитву. Вырастали дети, обзаводились своими семьями, но помнили дом родной: каждая невестка приезжала рожать в дом Израиля. Там и я родился от сына его Баруха и матери моей Хаи.

Но грянула очередная война над Россией. Все мужчины на фронт ушли. Их жены и дети в гетто сгинули. Погибли Израиль и Рахиль. Моя мать пронесла меня, младенца, на руках от Глуска до Урала. Шла с ней и моя шестнадцатилетняя тетя Хана. По дороге подобрали они пятнадцать детей-сирот и в детский дом сдали. После победы узнали мы: погибли на фронтах Зяма под Курском, Муля под Смоленском, мой отец Барух в Брестской крепости, Илья вырвался из окружения, пробрался домой, в оккупированный Глуск, не застал никого из своих родных и ушел к тете Гисе Кацер, в Козловичи. Там его выдали и в лесу убили. Моисей всю войну воевал в партизанском отряде Василия Коржа.

И остались в живых из большой семьи рода Израиля в 20 человек нас четверо: сын его Моисей, дочь Хана, мать моя Хая, и я, третье колено его.

Моисей отыскал место захоронения Ильи – оказалось, что вместе с ним погребена и почти вся семья его родной тети Гиси, которую воспитал Израиль (муж и двое детей). Вышла она замуж за почтальона из деревни Козловичи Кацера и родила троих детей. Старший сын их Мойша Кацер ушел в 17 лет добровольцем на войну, в плен попал, выжил в фашистском концлагере, а после освобождения еще два года в советском концлагере проходил проверку на “верность”.

А брат Гиси и моей бабушки Рахиль Арон еще в 1922 году в Палестину уехал. Получил он от своего брата Мура из Америки сто долларов, собрал своих друзей, подкупили они пограничников и дошли до Палестины. И только в 1971 году дошло от него письмо: “Когда мы были бедны, у нас были только холера, чесотка, но и голодные мы полюбили нашу страну. А теперь, когда у нас хорошо, когда у нас есть поля и дома и мы перенесли все беды – сейчас невозможно не любить Израиль”. И прислали они деньги, и на них поставили памятник.

Как мы все жили – все это еще в памяти поколения нашего. И как только случилось послабление в стране в семидесятые годы – начали многие покидать родные места. Говорится: от добра добра не ищут. Вместе с детьми и внуками уехали в Америку Моисей и Хана, а Мойша Кацер с семьей – в Израиль. Что это стоило им и как там живется, описал Моисей в своих “Письмах на родину”. (Они были опубликованы в журнале “Мишпоха”, №5, 1999 год). Успел я приехать в Америку и застать его живым.

В этом году навестил я в Калифорнии свою тетушку Хану. Девятый десяток пошел ей. Старость ее обеспечена так, словно судьба расплачивается за трудные годы жизни. Самая большая беда: несколько лет назад умер ее муж Исаак Рейнгольд, партизанский друг Моисея, разведчик. Подобной дружбы не видел я

за всю свою жизнь. Моисей всегда говорил: “Его душа, моя душа – одна душа”. А когда умирал Исаак и пытались его спасти врачи, последние слова его были: “Не мешайте мне, Моисей заждался меня…”.

И встретились мы с Ханой спустя много лет. Днями говорили и вспоминали. И все повторяла она: “Одна только могила есть из нашего рода на земле рождения его. Да и та в лесу сиротой стоит, под Козловичами. Прошу тебя: отыщи ее и дай знать мне – тогда и умру я со спокойной совестью…”.

2

Вернувшись домой, рассказал я об этой просьбе редактору журнала “Мишпоха” Аркадию Шульману, исследователю и хранителю еврейской истории на нашей многострадальной белорусской земле. Он тут же позвонил в Глуск редактору газеты “Родина” писателю Науму Сандомирскому.

В назначенное время в Глуске около здания исполкома нас ждала машина. Взялся нас везти молодой шофер Игорь, черноволосый, с внимательными глазами.

От Глуска до Козлович 20 километров. Но когда вам выпадает счастливый случай оказаться в одной упряжке с аборигеном этих мест, поэтом и философом, влюбленным в родной край, Наумом Сандомирским, не только не замечаешь плохо укатанной дороги, но и узнаешь много разных историй, от смешных до трагических. Читайте его книги – и убедитесь сами: равнодушными они вас не оставят. Узнал я о том, что в Глуске до войны больше половины жителей были евреи, что белорусы и евреи свободно общались на двух языках: белорусском и идиш. А теперь из евреев осталась здесь одна его семья. Что в первый же год Отечественной войны на окраине Глуска на Мыслочанской горе расстреляли около 2 тысяч евреев. Молчаливый Игорь вставил: “Убьют очередную партию людей и смолой зальют…”. После войны был поставлен памятник на этой братской могиле, и много лет уже ведется “Книга памяти”, в которой восстановлено около тысячи имен безвинно погибших.

Благодаря стараниям Сандомирского в Глуске названы именем земляка, известного белорусского поэта Сергея Граховского улица и школа, и поставлен обелиск с его барельефом.

Увлекшись разговорами, мы не замечали, что почти кричим дребезжащими голосами: машину трясло на деревенской дороге. Нахмуренное небо, низенькие старые хатки, сады с неухоженными фруктовыми деревьями проплывали слева от нас вдоль дороги. Справа тянулся густой старый лес.

Надо было начинать поиски. И тут же на деревенской улице мы увидели фигуру человека. Он стоял к нам лицом, словно давно уже ждал нас. Мы подъехали и спросили. Он повернулся к дому и позвал: “Надя, к тебе тут люди пришли!”. Заскрипела калитка, и к нам вышла вся в сером одеянии женщина. Большой теплый платок был накинут на ее голову и заправлен под фуфайку, из-под которой обвисала почти до пят длинная юбка.

“Стоит, стоит еще ваша могилка”, – хрипловато-успокаивающим голосом заверила она. Села к нам в машину и через несколько минут езды сказала: “Вот тут должна быть”.

Мы вошли в лес. Пахло сосной и грибами. Углубившись метров на пятьдесят, разбрелись в поиске. И тут услышали голос Игоря: “ Вот она…”.

У меня задрожали ноги. Медленно, как на похоронах, я начал приближаться к мелькнувшей за стволами деревьев черной ограде. На бетонном обелиске мраморная плита и на ней надпись: “Семья Кацер и Букенгольц зверски замучены фашистами в сентябре 1941 года. От Каплан Мура, сына, брата и сестры”. Наконец, как сквозь туман, донесся до меня растерянный голос Игоря: “Ой, смотрите…”. Поперек белой плиты по всей надписи было глубоко выцарапано: “Жиды”.

“Раньше этого здесь не было, – виноватым голосом произнесла Надя, пряча от меня глаза. – Это как же так можно?!. Мне тогда восемь годков было, когда эта беда свершилась. Люди им говорили: “Прячьтесь…”. Они спрятались в погребе, да кто-то их выдал, там и убили…. И что такое с людьми делается?! Извини, человек, – она подняла на меня глаза, полные слез. – Я вам обещаю, что буду смотреть за могилкой. Я, конечно, мало чего понимаю, я ж неученая. Но не по-людски это все…”.

Я смотрел на исхудалую пожилую женщину с виноватыми глазами. Она, живущая в этой глухомани, словно каялась передо мной за все то, что было в нашей истории мрачного, губительного и неприемлемого душе человека. Я вглядывался в ее сердобольное лицо, и оно мне виделось ликом тех людей, которые, невзирая на смертельную для себя опасность, спасали от смерти своих земляков, обреченных националвождями на полное уничтожение в своем решении “еврейского вопроса”. В одной только Беларуси присвоено звание “Праведник народов Мира” более чем пятистам человекам.

И вдруг перед глазами моими рядом с этой могилой возникло каменное надгробье на могиле Моисея Букенгольца в Америке. На чистом граните вот уже около двадцати лет сверкает гордая звезда Давида. А рядом другие обелиски, уже столетней давности, с такими же не тронутыми грязными лапами звездами. И я думал о том, как по-разному сложились судьбы родов двух

братьев.

Арон уехал – и род их до сих пор плодится и процветает, и ни насильственная смерть, ни антисемитская угроза или вражда не тронула ни одной их жизни. А из рода Авраама я один остался на этой любимой мной, политой кровью и потом родных мне людей, белорусской земле.

И еще я подумал о том, что роман о своем роде, который пишу много лет, теперь я точно смогу закончить. Отрывок из него – о гибели моего дяди Ильи Букенгольца, который покоится в этой могиле, я предлагаю читателям.

КНИГА ИЛЬИ

1. При свете дня таился Илья в кустах придорожных и слышал, как

громыхают шаги врагов по земле его, и не было числа им. И отзывалось сердце болью от бессилия своего, и сжимал он в руках ружье беспатронное.

2. По ночам выходил Илья из укрытия своего и опять спешил в сторону дома. И хоть впервые приходилось ему красться к дому ночью по дороге темной, но чуял он ее, словно зверь лесной. Пять дней и ночей шел он и не узнавал места знакомые, войной опаленные. Вышел наутро к местечку своему и замер: развевался фашистский флаг над крышей школы.

3. Пустынны и тихи были улочки: не ездили подводы, не лаяли собаки, не кричали петухи, и не раздавался привычный звон молота о наковальню. И слышал Илья стук сердца своего, и рвалась душа навстречу к дому родному и холодела от неведения. И медленно катилось по небу солнце багровое, и казалось Илье: никогда оно уже не спрячется в лесу на западе. С детства он знал то место, куда уходило оно спать по ночам.

4. И вспомнилось Илье. Однажды мальчонкой пошел он вослед за уходящим солнцем – захотелось узнать, где дом его. Шел он и шел полянами и лесами, пока не скрылось солнце. И настигла его ночь, но не испугался он. Устроился на стоге сена, а утром, когда разбудило его солнце, опять за ним пошел. И пришел к дому своему. Встретили его заплаканные родители и спросили: “Где ты был, Илья?”. И ответил он: “Я за солнцем ходил”. Улыбнулся отец Израиль и сказал: “Для человека солнце там, где дом его родной”. – “У каждого, значит, есть свое солнце?” – спросил Илья. “Солнце на всех людей одно. И всем оно дает в равной мере радость и тепло: и человеку, и зверю, и растениям. Все живое на свете – дети его”. И сказал Илья: “Я понял тебя, отец. Если будешь идти за солнцем, всегда к дому придешь”.

5. И спросил у солнца Илья: “Значит, и наши враги – дети твои?”. Не ответило солнце, только еще краснее стало, как человек от стыда. “Дети одной матери разве могут быть врагами?” – переспросил Илья. Но молчало солнце. И только струились лучи его на землю, словно слезы кровавые. Впервые видел Илья солнце плачущим. И больно, и страшно было ему смотреть на него.

6. Закрыл глаза Илья. И донеслись до него выстрелы и крики человеческие. И не стало солнца, растворилось в ночных облаках. И пошел Илья, крадучись, вдоль улицы. И не было огней ни в одном окне.

7. Подошел Илья к дому своему. Выбиты были все окна в нем и сорваны двери с петель. И тьма густая была внутри его. Поднялся он на крыльцо, переступил порог и спросил во тьму: “Есть кто-нибудь?”. И только глухо отозвалось эхо ему. Шел он из комнаты в комнату, привычно обходя в темноте те места, где стояли и стол, и шкаф, и стулья, но не чувствовал тепла их рядом. Лишь шуршала бумага на полу, да крошились под ногами стекла. И когда выглянула из-за тучи черной луна и пролила свет свой через проемы окон, увидел он: пуст дом.

8. Опустив голову, начал выходить он из дому и все не решался ступить на места те, где вещи когда-то стояли: чувствовал их нутром своим, но не мог принять то, что глаза видели. Задрожали ноги у него и обломились. И упал он на пол обессиленный, и учащенным дыханием улавливал еще неостывшие запахи дома своего. Скрылась луна за тучами, и тьма опять поглотила все. Но и за закрытыми глазами видел Илья и стол, и стулья, и часы на стене, и швейную машинку на тумбочке; и слышал он родные шаги и матери, и братьев, и порхающую походку сестры Ханночки, и как тяжело и устало поднимается на крыльцо отец.

9. И все это закружилось перед ним и в нем: и задрожали стены, и задрожал дом и начал медленно подниматься в небо. И вползали в разбитые окна облака и носились по комнатам и, подхваченные сквозняком, уносились прочь. И слышались Илье в перестуке облаков под ветром голоса родных, и звук молота о наковальню в кузне, и бой часов стенных, и журчание воды на кухне под руками матери – и все они сливались в один гул и заполняли дом и проникали в душу его.

10. И закричал Илья: “Мама!”. И все вокруг заполнилось голосом его, и отзывалось со всех сторон по всем краям земли: “Мама!”. И от этих голосов очистилось небо от туч, и парил один его дом в пространстве бездонном, и заполняли его удары сердца Ильи.

11. И стал просить себе у Бога смерти Илья: “Довольно уже, Господи, возьми душу мою, ибо я не лучше отцов моих”. И глаза закрыл. И тут коснулся его плеча ангел и сказал: “Встань, ешь и пей, ибо дальняя дорога пред тобою”. Осмотревшись, увидел Илья в головах у себя хлебец, какие обыкновенно пекут на горячих камнях, и кувшин с водой. Подкрепившись чудесно посланной ему пищей, открыл глаза Илья.

12. Дом стоял на земле, и ветки яблонь тянулись к нему через окно. Собрал он последние силы, встал и вышел из дома своего. Стояла тьма вокруг, и от тишины ночи звон стоял в ушах.

13. Крадучись, подошел к первой хате соседа своего и постучал. “Кто там?” – отозвался наконец-то тревожный голос. “Илья”, – ответил он. “Сгинь! Сгинь!” – прохрипел голос. “Сосед, разве не узнаешь меня?” – “Не знаем таких...”. И сколько ни звал Илья – не было ему больше ответа.

Постучал он в следующий дом и назвался. “Иди, иди подальше, нечистый!” – был ответ.

14. И шел Илья от улицы к улице, от дома к дому, и звал, и стучал –

и повсюду отвечали ему голоса испуганные: “Нельзя нам жидов пускать”. “Куда ж мне идти?” – спрашивал он. “В гетто твоя дорога” – “А что такое гетто?” – “Там теперь все нехристи будут жить” – “За что нам такое?” – “Из-за вашего жидовского отродья все беды земные свалились на головы наши. Пришел великий час расплаты за грехи ваши”. И ни в одном доме больше не ответили ему, не скрипнул засов, не открылась навстречу дверь.

15. Вспоминал Илья хозяев домов и вдруг понял: все дома, где жили евреи, мертвы и пусты – окна выбиты, двери настежь и вещей в них нет.

16. И вышел Илья на площадь. Стоял на ней фонарь, один на все местечко, а под ним приколочен щит с надписью: “Всем жидам собраться на площади к девяти утра с самыми лучшими вещами. Великая Германия забирает вас к себе. За отказ – расстрел. За опоздание – расстрел. Кто спрячет – расстрел. С нами Бог – он призвал нашу Великую Германию установить немецкий порядок на земле”.

17. Стоял Илья, смотрел Илья, думал Илья. Был он один, как Адам на земле. И некого ему позвать, некого спросить: “За что?”.

18. “И звезды небесные пали на землю, как смоковница, потрясаемая сильным ветром, роняет незрелые смоквы своя; и небо скрылось, свившись, как свиток; и всякая гора и остров двинулись с мест своих… Ибо пришел великий день гнева Его, и кто может устоять?” (Откровен. 6:13, 14, 17).

19. И вдруг раздался окрик за спиной Ильи: “Хенде хох!”. Не оглянувшись, побежал Илья. И разорвали ночь выстрелы. Спрятался Илья за угол дома и слышит гневный голос из окна: “Иди отсюда, жид! Не накликай беду на нас – своих хватает!”. – “Извините, – сказал Илья. – Не враг я соседу своему”. И бросился прочь от дома Илья и бежал посередине улицы, чтобы ни на чей дом людской беду не накликать.

20. Выбрался из местечка, а там уже и лес за лугом чернел. И подумал Илья: “Раз стал человек человеку чужим – лучше с волками жить”. И побежал Илья, не таясь, по лугу открытому. Густая трава стелилась перед ним и не хватала за ноги, и кусты раздвигались впереди него, уступая дорогу к лесу, и сжимались кочки под ним, чтобы был гладким его путь к спасению. И уже слышал он призывные голоса деревьев в лесу, и бежал перед ним заяц быстроногий, указывая дорогу прямую, и ждал его на опушке волк, чтобы увести в стаю свою, и спряталась луна, чтобы скрыть его во тьме от глаз врагов его, и сбивал ветер в сторону пули от него – все на земле помогали ему сохранить жизнь свою.

21. А когда вдохнул он влагу лесную в дыхание свое и коснулись руки его ствола первой сосны – вдруг сердце ему обожгло. Успел еще обнять он шершавый ствол сосны и прижаться грудью к ней опаленной. Но подкосились ноги под ним, разжались руки – и рухнул на землю, и раздался голос матери Рахиль над ним: “Не ложись на землю сырую – простынешь….”.

22. Открыл он глаза в последний раз, чтобы навек их закрыть, и увидел над собой однокашника своего Кольку и услышал голос его: “Подох…”. И отозвался ему голос другой: “Не убег, жидовина! Еще от одного инородца очистили мы землю свою….”.

23. И вылетела душа Ильи и закружилась над плотью своей. И видела она, как топтали ее три мужика с черными повязками на рукавах. Потом, утомленные, сели они на поваленный ствол и закурили, утирая пот с кроваво-красных лиц. И сказал один: “Закопать бы надо”. И ответил второй: “Волк его в своей утробе схоронит”. – “Пошли, замочим это дело, – третий сказал. – Вытрясем, ети ее мать, самогонку с лавочника”. И встали они, и пошли, покуривая и оплевывая землю на пути своем.

24. А душа Ильи, как и назначено ей по срокам жизни человеческой, все еще кружилась над плотью своей. И не прикасались к ней ни зверь, ни птица ни ночью ни днем.

25. А на третий вечер приблизились к плоти Ильи две фигуры. Подняли ее на руки, омыли лицо водой, причесали волосы, завернули в белую простыню – саван, как и положено у евреев, вырыли могилу и опустили в нее. И когда зажглась свеча над убиенным и осветились лица людей, узнала парящая над ними душа Ильи могильщиков тела своего. И сказала Мария, жена названого брата его: “Пусть земля тебе будет пухом, Илья”. И сказал Иван: “Прости Илья, что не мог уберечь я тебя, названого брата моего. Помутилась от страха душа моя”. И сказала Мария: “Он поймет и простит: доброе сердце у Ильи было”. И пошли они, крадучись, к дому своему.

26. И такая стояла тишина над могилой Ильи, словно сам Бог опустился с небес и скорбел над телом убиенного сына своего.

Борис РОЛАНД
«Мишпоха» № 18. 2006 г.
www.mishpoha.org/n18/18a13.shtml

Желающих регулярно получать «Глускую панораму» просим сообщить об этом в редакцию газеты.

№ 20-22 (22-24)
Декабрь 2007 г. Глуская ПАНОРАМА

Общественно-политическая газета.
Выходит с июля 1998 г. Редактор - Игорь Кирин.
Адрес для писем: 213879, г.п. Глуск, ул. Кирова, 43-18.
Тираж - 200 экз. Тел. 41522. E-mail: glu-cl@mail.ru
http://hot.ee/glusk